

Из истории Кавказской конной туземной дивизии:

АБХАЗСКИЕ ВСАДНИКИ

(Краткое сообщение)

В 2014 г. исполняется 100 лет со дня формирования Кавказской конной дивизии и 150 лет со дня окончания Кавказско-русской войны.

Николай II с офицерами Дагестанского конного полка. Владикавказ, 1914 г.

21 мая 1864 года в абхазском горном обществе Ахчыпсы, в урочище Кбаада состоялся торжественный парад царских войск, в честь окончания многолетней Кавказской войны. Затем продолжился начавшийся еще в 1863 г. массовый исход горцев в Османскую империю. Последующие восстания в Абхазии в 1866 и 1877 гг. и последовавшие за ними массовые депортации абхазского этноса, поставили народ на грань исчезновения. Помимо всего, абхазское население было объявлено виновным, запрещено было ношение оружия, служба в армии, расселение у моря, в горах и городах. Хотя еще в 1863 г. в январе военный советник при Российском посольстве в Константинополе Б. А. Франкини в своей обширной аналитической Записке о положении на Кавказе, представленной военному министру Российской империи А. Миллютину, очень тонко подмечал, заглядывая в будущее:

«Кавказ, как точка опоры Азиатской границы, расположенная в том месте, где Азия соединяется с Европой, составляет один из важнейших пунктов, занимаемых Россиею на Земном шаре. Став твердой ногой на Кавказ, Россия господствует над Азиатскою Турциею, над Персиею, над обширным степным пространством, покрытым мелкими татарскими государствами, и которое граничит с английским и китайским владениями. Когда Россия утвердится на Кавказе, для нее нет ничего невозможного в Азии.

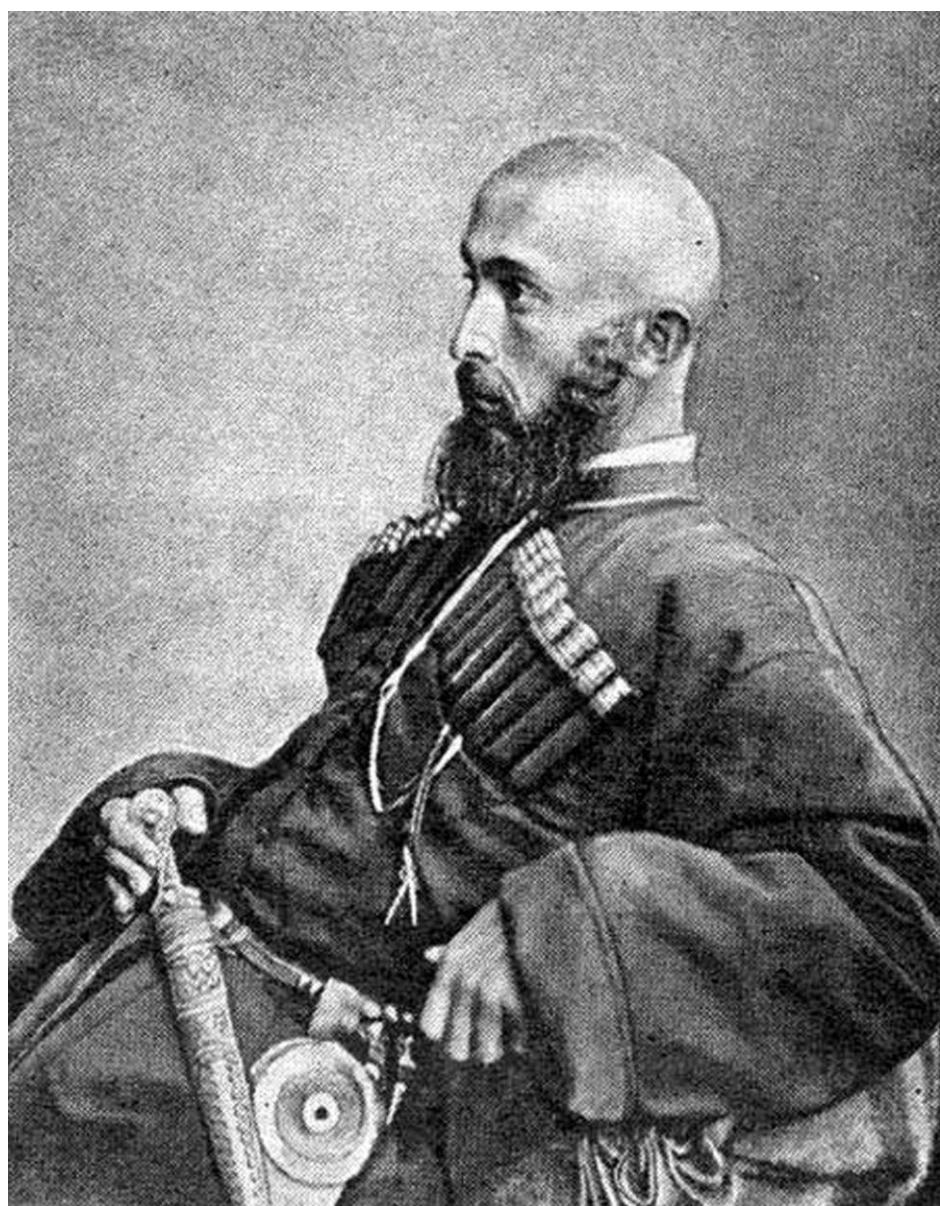
Это Кавказ будущая житница всех соседних стран, и даже Европы, но главное преимущество Кавказа для России состоит в том, что племена его населяющие, составляют отличное войско, самое способное к войне во внутренности Азии...».

Далее он подчеркивает:

«Известно, сколько жертв стоит необходимость содержать на Кавказе регулярное войско, чего стоит превращение русского мужика в проворного и бодрого кавказского солдата. Но независимо от преодоления частных условий климата, почвы и местности другое обстоятельство, строго обдуманное, должно неминуемо привести к осуждению мысли о заселении Кавказского края иностранцами. Русский, славянин разных стран, грек, армянин – все способны по прошествии большого или меньшего времени

сделаться на Кавказе хорошими хлебопашцами; но они никогда не приобретут той воинственности, которая с младенчества прививается в нынешнем туземце. Кавказский уроженец ко всему годен, но более всего к войне. Одаренный проницательным умом и редкими физическими качествами, он одинаково способен к земледелию, к торговле, к промышленности, но всему предпочитает оружие. К лишениям, к трудам, к езде, к стрельбе он привык с детства. Это бесподобный азиатский воин; между тем, как иностранец, переведенный на Кавказ, сделается, может быть, отличным колонистом, но воином никогда не будет... лишиться добровольно услуг кавказских туземцев, выгнать враждебные нам племена в Турцию, - это не что иное, как бросить оружие безоружному врагу...» (РГВИА, ф. 38, оп. 7, д. 248, копия).

Оттоманская Порта, как видно из дальнейших исторических событий, весьма успешно использовала военный потенциал кавказских горцев. Но эта область другого, крайне интересного исследования.

Абаза

Jbrahim Pacha
et ses deux Fils
Souverain des Tcharkess

Абхазы с Балкан – 1878 г. (Стамбул)

Полководцы Османской армии – убыхи и адиги.

Наступил 1914 год.

Когда началась первая мировая война, то в селах Мыку и Лыхны собрался народ. В Муку, по воспоминаниям очевидцев, приехал государственный чиновник из Кутаиса, он выступил перед абхазами с речью о том, что вся Европа пошла на Россию и при этом встал на колени. Старший из абхазов поднял его и через переводчика объяснил, что по горскому обычаю и этикету не положено так вести себя. Пусть он говорит спокойно, без волнения объяснит народу суть дела. «Нужна ваша помощь, нужны воины», - обратился он к народу. После его выступления началась запись добровольцев. Всего в Кавказской конной дивизии воевало свыше 7 тысяч всадников, хотя по штату числилось 3 тысячи. Все время шло пополнение, когда после тяжелых боев вновь приходилось комплектовать боевые части. Свыше трех тысяч всадников были удостоены Георгиевских крестов, все офицеры были награждены боевыми наградами. Причем все всадники были исключительно добровольцы.

В журнале «Нива» № 48 за 1914 г. описан дерзкий набег горцев Кавказской конной дивизии на город Ченхостов:

«Навеки запечатлен будет в истории этой войны, величайшей в мире войны, рассказ о том, как шестьдесят черкесов совершили набег на Ченхостов – набег прямо сказочной красоты и силы. В Ченхостове тогда было около двух немецких корпусов. Глубокой ночью всадники разделились на шесть небольших отрядов по десять коней в каждом и, обвязав копыта своих горских «звездочетов», бесшумно двинулись к Ченхостову по шести радиусам. Местность и дороги были высмотрены раньше с зоркостью этих с колыбели привыкших к борьбе и оружию прирожденных воинов. Проникнуть в город можно было, лишь уничтожив конные и пешие патрули. И джигиты принялись за уничтожение противника с непонятной, чуждой для

европейских солдат, хищнической сноровкой. Едет шагом среди мрака прусский патруль. Черкесы своими кошачьими глазами нащупывают его издалека. И слух выручает. За версту чуткое ухо уловит и стук копыт, и брякнувший палаш. Задача усложняется еще и тем, что «снять» патруль необходимо без единого выстрела.

И вот джигиты заблаговременно спешиваются, один отводит подальше, к прикрытию какому-нибудь лошадей, а остальные, змеями распластавшись у дороги, ждут... Патруль все ближе и ближе, поравнялся, наконец. Черкесы барсами дагестанских ущелий вспрыгивает сзади на широкие крупы немецких лошадей и кинжалами закалывают всадников, не давая им ни вскрикнуть, ни выстрелить...

Один за другим планомерно – на это ушла долгая осенняя ночь, – сняты были так все конные и пешие патрули, как разъезжавшие в окрестностях, так и охранявшие заставы на всех шести дорогах-радиусах, ведущих в Ченхостов.

Утром черкесы с обнаженными шашками ворвались в город, кишмя кишевший немцами. Рубили встречных – и конницу, и пехоту – все в ужасе разбегались от этих страшных всадников в косматых папахах.

В центре города все шестьдесят кавказских орлов слетелись, и уже у всех были окровавлены острые, испещренные арабесками-изречениями Корана шашки. Часть всадников спешилась и ворвась в кофейню, где сидели за пивом и кофе прусские и австрийские офицеры. Шашками тесно рубить и пошла работа кинжалами. В ужасе хватались венгерцы, прусаки и швабы за револьверы и палаши... Крики, выстрелы, смятение...

В это время конные черкесы рубили и резали телеграфные и телефонные провода, как городские, так и соединяющие неприятельский штаб с казармами, лагерями и пограничным поселком Гербы.

Начатый в одной кофейне кровавый пир продолжался в другой и закончился в третьей. Это было делом нескольких минут. По телефону швабы не могли вызвать большой отряд, сообщение было прервано, а пока один из уцелевших немецких улан помчался в кавалерийские казармы, утекло немало воды, вернее, крови...

Несколько гортанных криков – и все черкесы были уже на конях. И, чтобы спутать всякую возможность преследования, кинулись прочь из города по разным улицам.

За одним из этих маленьких отрядов, вихрем несшимся к Новородомску, помчался вдогонку прусский эскадрон. Стрелять на карьере немцы не мастера, и все пули благополучно летели мимо, а джигиты не утерпели, чтобы не щегольнуть своим наездничеством. На бешеном галопе черкесы отстреливались, стоя на седлах и обернувшись к врагам. Точкою опоры было для них мягкое седло, а чтобы не потерять равновесия, джигиты продевали мизинец в разрез длинного ременного повода...

От метких выстрелов поредела гуща прусского эскадрона, ошеломленного невиданным зрелищем этих стоя несущихся всадников с развевающимися, как крылья, за спиной башлыков.

Тяжелые немецкие кавалерийские лошади не могли угнаться за быстрыми, как ветер, горскими скакунами. Все шестьдесят черкесов победно вернулись в свою честь без единой убыли. Сами же они на одних только заставах вырезали около полутораста вражьих солдат, а в кофейнях под джигитскими кинжалами пало много офицеров, среди которых были несколько представителей венгерской и прусской знати».

Ничего подобного Европа не видела и не испытывала. Вскоре австрийцы и немцы назовут этих всадников «дьяволами в мохнатых шапках», российский император – «орлами Кавказа».

Абхазов воевало в Кавказской конной дивизии до 500 человек. В основном, это была 4-я сотня Черкесского полка. Но были абхазские всадники и в Ингушском, Кабардинском, Татарском полках. Очень много было их на других фронтах. Часть из них впоследствии участвовала в белом движении. Особенно много было абхазов у Деникина А. К сожалению еще не все имена героев первой мировой войны установлены. Первые материалы о них из абхазов начали публиковать абхазский интеллигент Симон Басария (МахайдАпсуа), Иван Лакербай, под псевдонимом П. Ф. Скромный из Гудаут присыпал, по-видимому, Семен Ашхацева, ездавший на фронт в действующую армию с подарками для земляков. К. Д. Мачавариани в 1917 г. издал в Батуме книгу, посвященную «Светлой памяти павшего на войне героя, корнета К. И. Лакербай». Ряд очерков о Кавказской конной дивизии публиковал в прессе того периода журналист Н. Н. Брешко-Брешковский, сын Льва Толстого – Илья Толстой. Подвиги горцев широко освещались в армейской газете. В зарубежной эмиграции был опубликован ряд мемуаров, посвященных боевому пути Кавказской дивизии. В 1932 г. в журнале «Литературная Абхазия» были напечатаны воспоминания Н. Кокоскириа «Абхазская сотня и дни революции». Очень большую работу по сбору материала об Абхазской сотне проделал Езуг Габелиа, в течение более чем полутора десятка лет он неустанно собирал материал о добровольцах, записывал тогда еще здравствовавших участников первой мировой войны, собирая документы, большой фотоматериал, работал в архивах. Итогом его работы была книга «Абхазские всадники» (Сухум, 1990). Это была первая работа о всадниках – абхазах и вообще о Кавказской конной дивизии в СССР. Тема, как мы знаем, была немного полузакрытая. В Нальчике вышла работа О. Л. Опрышко «Кавказская конная дивизия. 1914-1917. Возвращение из забвения» (Нальчик, 1996). Впоследствии еще был издан ряд книг, статей, брошюр о судьбах воинов-горцев, участников первой мировой войны.

То, что известно, а многое еще предстоит выявить, насколько мы знаем. Большую работу в этом отношении проделала Л. И. Цвижба. Боевые подвиги всадников вызывают восхищение своей беззаветной отвагой, Абхазскую сотню называли «сотней крестоносцев», ибо все всадники были удостоены боевых наград.

В сентябре 1914 г., как сообщал генерал-лейтенант Бабич, стало известно, «многие абхазы, жители Сухумского округа, соседнего с

Кубанской областью, изъявляют горячее желание вступить добровольцами в Черкесский конный полк».

Сын Л. Толстого, И. Л. Толстой, журналист и писатель, так описывает свое первое впечатление о сынах Кавказа: «Первой мое знакомство с Кавказской дивизией произошло во Львове, когда командир ее корпуса производил осмотр.

Полки проходили в конном строю, в походном порядке, один за другим, один красивее другого, и весь город в продолжении целого часа любовался и дивился невиданным дотоле зрелищем.

Всадники Абхазской сотни

Всадники Абхазской сотни

...Под народные воинственные песни мимо нас проходили нарядные, типичные всадники в красивых черкесках, в блестящем золотом и серебром оружии, в ярко-алых башлыках, на нервно-точеных лошадях, смуглые, полные гордости и национального достоинства.

Что ни лицо, то тип; что ни выражение – выражение свое; что ни взгляд – мощь и отвага».

Всадники Абхазской сотни

Бывший офицер Кабардинского конного пола А. А. Арсеньев в эмиграции в своих воспоминаниях отмечал:

«Большинство всадников славной «Дикой дивизии» были или внуками или даже сыновьями бывших врагов России. На войну шли за нее, по своей добродой воле, будучи никем и ничем не принуждаемы: в истории «Дикой дивизии» не было ни одного случая даже единоличного дезертирства!»

Хорошо зная природу сынов Кавказа, он далее продолжает: «Чтобы правильно понять природу «Дикой дивизии», нужно иметь представление об общем характере кавказцев, ее представляющих.

Говорят, что постоянное ношение оружия облагораживает человека. Горец с детства был при оружии... отличительной чертой его характера было чувство собственного достоинства и полное отсутствие подхалимства. Выше всего ценилась ими храбрость; это был прирожденный воин...».

Автор прекрасных очерков о Кавказской дивизии Н. Н. Брешко-Брешковский, говоря о воинах-горцах, отмечает: «На мусульман всего можно было положиться, чем на христианские народы, влившись в состав Российской царства. Именно они, мусульмане, были бы надежной опорой власти и трона.

Революционное лихолетье дало много ярких доказательства, что горцы Кавказа до конца верны присяге, чувству долга и воинской чести и доблести...»

В связи с этим приведем один характерный эпизод, произошедший в самом начале гражданской войны. В 1918 г. к одному из черкесских аулов, где находился великий князь Борис Владимирович, подошел большой советский отряд с пулеметами и двумя орудиями, занял все подступы к селу и объявил ультиматум:

– Или Борис Романов будет немедленно выдан, или весь аул будет разгромлен.

Великий князь явился на совещание старейшин под председательством муллы, который единодушно вынес решение:

– Великого князя не выдавать, а, вооружившись, всем защищать его до последнего человека.

Это было объявлено великому князю, на что с его стороны последовало возражение:

– Уж лучше погибну я один, чем вы погибнете все...

Ответ держал восьмидесятилетний мулла, семь раз совершивший хадж, т. е. побывавший в Мекке, на могиле пророка Мухаммеда, в белой чалме с зеленой каймой.

– Ваше императорское высочество, если мы тебя выдадим, и через это останемся живы, на головы наших детей, наших внуков падет несмыываемое бесчестье. Мы будем хуже собак. Каждый горец будет иметь право плевать нам в лицо.

В несколько минут весь аул являл собой военный лагерь. Все черкесы вооружились поголовно, все – от стариков до подростков включительно. В

штаб отряда красных был послан парламентер с ответом на предъявленный ультиматум.

— Всякий князь наш гость, и мы его не выдадим. Попробуйте взять силой.

Долго совещались между собой начальники отряда. Они знали фанатизм горцев, знали, что если даже и победят красные, то ценой больших потерь, особенно, когда втянутся в самый аул, где каждую саклю придется штурмовать, как маленькую крепость. Знали еще, что в этом ауле имеется около шестидесяти всадников Черкесского полка, прошедших опыт великой войны. Каждый такой всадник будет стоить десяти красноармейцев. При таких условиях бой был рискованно авантюрией.

**Агрба Канамат
Полковник царской армии**

**Агрба Рауф – награжден золотым
Георгиевским оружием (1917 г.)**

Сняв осаду, красные ушли ни с чем.

Когда в том же роковом 1918 г. в конце мая Нестор Лакоба с отрядом кяразовцев перешел Кавказских хребет и скрывался в ауле Апсуа, то община была окружена белогвардейским отрядом во главе с генералом, потребовавшим выдачи Нестора и его людей. Навстречу генералу вышел восьмидесятилетний, весь седой, как лунь, Агрба Канамат, дворянин, полковник царской армии, весь при оружии и при боевых орденах и Георгиевских крестах. Он резко заявил генералу:

— Нестор и его люди — мои гости, я их не выдам. А в случае, если ты попытаешься брать его силой, то будешь иметь дело со мной!

Генерал вынужден был уйти и снять осаду аула.

Сын Канамата — Рауф Агрба был всадником-офицером Кавказской дивизии и за боевые заслуги был награжден золотым Георгиевским оружием.

В конце войны генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов провел смотр Кавказской дивизии. Это было время, когда большая часть Российской армии была деморализована.

«Дивизия выстроилась на пустыре «четырехугольником» с трех сторон: Чеченский, Кабардинский, 2-й Дагестанский, Черкесский и Татарский полки... Выстроенные части представляли из себя красивую картину: особенно выделялись чеченцы и ингуши с желтыми и синими башлыками, а также 4-я сотня Черкесского конного полка из абхазцев в своих национальных головных уборах (головы были обвязаны белыми башлыками).

Корнилов Л. Г. произнес речь, где он честно сказал:

«Орлы Кавказа! Я не ожидал, но я счастлив видеть вас в таком изумительном порядке. В вас сохранился еще тот дух, который начинают терять наши войска».

Высшей оценкой были слова его, сказанные начдиву дивизии генералу князю Багратиону сразу после осмотра:

— Я, наконец, дышал военным воздухом!

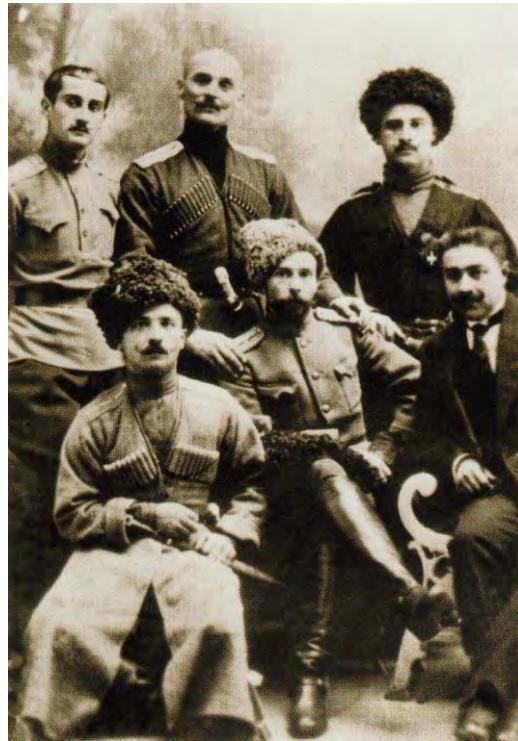
Куда только не бросили дивизию, и она с честью выполняла боевые задачи, возложенные на нее командованием.

Как мы отмечали выше, немало абхазов служило и в других боевых частях. Командиром Ингушского конного полка был один из лучших наездников России, преподаватель элитного Николаевского кавалерийского училища абхазский дворянин Георгий Алексеевич Мерчулев, уроженец села Елыр. Его детское имя было Паш, что в переводе означает «Светлый».

Всадники Ингушского полка

Всадники Ингушского полка гордились своим командиром Георгием Мерчуле. «Ми не знаем страха, не боимся пули, нас ведет в атаку храбрый Мерчул». Строки этого гимна Ингушского полка ныне знает вся Ингушетия, что, несомненно, является данью памяти нашему отважному земляку, о котором мало кто знает сегодня в Абхазии. Обязанность наша поднимать из забвения имена наших героев, прославивших в те времена имя абхаза по всему Кавказу и России. И молодежь обязана знать и чтить павших героев и стремиться быть подобным им, если в случае необходимости вновь придется обнажить оружие.

**Сидит в центре командир
Ингушского полка полковник
Георгий Мерчул (абхазский дворянин)**

Князь А. В. Гагарин, князь Д. Н. Багратион, атаман Краснов, начальник штаба кавказской дивизии татарин из Литвы Я. Д. Юзефович, ротмистр ингушского полка А. Л. Марков и ряд его соратников оставили в своих мемуарах воспоминания о нем, «и нет никого, кто не отзывался бы в самых превосходных тонах» о блестящем и бесстрашном командире Ингушского конного полка, обладателе золотого Георгиевского оружия полковнике Г.А. Мерчуле. Воевал с ним в том же полку его младший брат, совсем еще молодой Дарисман, который в боях за личное мужество был награжден двумя Георгиевскими крестами и произведен в чин прапорщика.

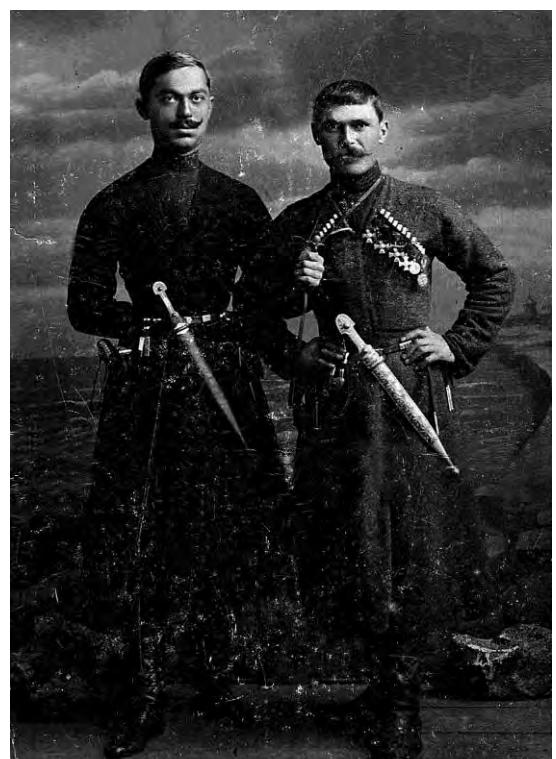
В упорных боях у деревни Ерезаны в 1916 г. отличался Ингушский полк во главе с командиром Георгием Мерчуле. В этих боях высшей офицерской награды - Георгиевского оружия был удостоен «абхазец Варлам Шенгелай», который служил в 4-й сотне Ингушского полка.

В Татарском полку служил князь Хайтбей Чачба (линия Таулаха) с. Уатхара, удостоенный за личное мужество Георгиевского креста 4-й степени. Помимо этой высокой награды корнет Хайтбей Чачба «за храбрость в боях» был награжден орденами св. Станислава 3-й степени, с мечами и бантом и св. Станислава 2-й степени с мечами.

Его земляк, уроженец с. Уатхара Алексей Мурзаканович Цишка (Цыжба), позднее служивший уже в Кабардинском полку, являлся полным Георгиевским кавалером.

**Уасил Магба (Маги)
Полный Георгиевский кавалер**

Справа Когония Кача

Уроженец села Ачандара Уасил Магба (Магба) – урядник 4-й Абхазской сотни Черкесского конного полка являлся полным Георгиевским кавалером.

Сослуживец его, урядник Дмитрий Анчабадзе (Ачба) также являлся полным Георгиевским кавалером.

Полным Георгиевским кавалером является Рамазан Шхалов, урядник 4-й Абхазской сотни, призванный из Сухума. Эта фамилия бытует и ныне у абхазов в Турции, шапсугов и убыхов.

Полным Георгиевским кавалером был Константин (Кача) Кацевич Когония, уроженец с. Кутол: Георгиевский крест 4-й ст. № 273417; 3-й ст. № 8007; 2-й ст. № 26386; 1-й ст. № 22898. Помимо этого он был награжден Георгиевской медалью 4-й ст. «за мужество и храбрость, проявленные в боях с австрийцами».

В ноябре 1915 г. выпал обильный снегопад. Как свидетельствуют рапорты начальства, после сильной снежной метели окопы татарского полка были полностью засыпаны снегом. При сильнейшей вынужденной непроходимых сугробах снега и морозе казалось невероятным что-либо предпринимать, «идти на выручку замерзающих татар, с другой стороны обеспечить от всякой случайности благополучие боевого участка».

В этой сложной ситуации всадники и офицеры Черкесского полка с честью выполнили оба задания. При этом вся тяжесть работ по спасению выпала на долю 4-й Абхазской сотни под командой Николая Аимхаа. Впереди всех шел и первый отыскал замерзающих татар Хамажир Тарба, всей Абхазской сотней признанный «храбрейшим» и совершивший до этого и впоследствии ряд знаменательных подвигов. В течение двух дней 27 добровольцев вызволили из снежного плена, откопав из-под снега замерзающих товарищей по оружию, 1-ю и 2-ю татарские сотни, заняли их боевые позиции, несмотря на невероятные погодные условия.

Все 27 всадников Абхазской сотни были представлены к награде, но «вышестоящее начальство нашло возможным» представить к Георгиевским наградам пятерых всадников: всадника Николая Ачба к 1-й ст., всадников Джоту Гарцкия, Василия Лакоба, Темраза Лакоба, Михаила Чиргба к 4-й ст.

**Офицер Абхазской сотни
Николай Аимхаа**

**Абхазские всадники: Темраз Лакоба,
Уасил Лакоба, Арнаут Семен. 1914 г.**

Миха Чыргба

«За этот самоотверженный подвиг, – пишет К. Д. Мачавариани, – горцы-абхазы в числе многих наград получают медали на Владимирской ленте за человеколюбие. Это единственный в своем роде пример в истории войн».

Легендарным героем войны, был молодой офицер, корнет, командир Абхазской сотни, обладатель золотого Георгиевского оружия, многих боевых наград, в том числе высшей награды Империи – ордена св. Георгия 4-й степени («белый офицерский крест») Коция Лакрба. В кавказской конной дивизии обладателями данной награды было всего шесть воинов.

**Корнет К. Ш. Лакрба
с отцом Шаханом**

**Корнет К. Лакрба с кормилицей
и ее сыном (Возба). Лыхны.**

1916 г.

Нельзя без волнения читать его последние строки на фото, посланном родственнику в Абхазию, где он пишет:

«Вспоминайте, глядя на эту карточку, того абхазца, который приносил и принесет в жертву все, что в его силах! Если нас не станет после войны, одна мечта и просьба наша: приносите каждый из вас – абхазцев – сколько можете, пользы своей родной Абхазии и своим-собратьям».

Вот как вспоминает о нем всадник П. Куазмаа.

«В отношении командира Абхазской сотни Лакрба можно смело сказать, как о воине с сильным тактическим знанием, индивидуально храбрый, не знающей отступления без приказа, бесконечная сильная любовь к всадникам, всяkim без различия, считал всех своими братьями, воодушевлял каждого быть смелым, не бояться врага. «Если выбывают винтовку, – говорил он, – рубить саблей, выбывают саблю - вынуть кинжал и пойти врукопашную, чтобы никто не имел права сказать, что абхазы струсили и не смогли выполнить приказ». Одновременно беспокоился о людях, их сохранности в целости и невредимости, в бой шел всегда впереди, в голове эскадрона, воодушевляя, говорил: «врага, австрийцев нечего бояться, нас целая «Сотня» и плюс абхазцы». А если приходилось по приказу комполка 4-й Абхазской сотне отступать, он, Лакрба, передавал командиру 1-го взвода вести сотню назад, а сам оставался сзади и следил, не останется кто-либо из всадников раненым или убитым».

Для более полного понятия философии войны у абхазов мы приведем диалог переводчика-серба с Коцием Лакрба, имевший место на театре военных действий в 1915 году:

М. Деспич: Ну вот кавказец очутился в плenу. Очень ли это считается у вас постыдным, зазорным?

К. Лакрба: Я не могу отвечать за всех кавказцев вообще? У нас многие десятки народов и у каждого свои обычай и традиции. Мы, например, абхазцы.

М. Деспич: Вы мусульманин?

К. Лакрба: Ничего подобного! Мы были уже тогда христианами, когда еще половина Европы была языческой.

М. Деспич: Это очень красиво, слов нет. Однако позвольте – если раненый, истекающий кровью абхазец очутился в плenу – это ничуть не умаляет его доблести, отваги?

К. Лакрба: Должен умереть.

М. Деспич: Должен умереть? Странные люди, странные. Если я вас понимаю с трудом, то европейцам вас никогда не понять.

Мастерство абхазцев в верховой езде приводило в удивление Михаила Деспича, который говорил К. Ш. Лакрба:

«Странные вы люди, кавказцы, даже для меня, который жил среди воинствующих черногорцев и албанцев, да и сам я боснийский серб. Могу

себе представить изумление французских корреспондентов, приехавших в вашу знаменитую дивизию».

На что К. Лакрба ответил просто: «Мы довели их до полного оцепенения. В особенности их ошеломила джигитовка. Глазам, не верили, всадник отстреливался на галопе, стоя в седле и держась одним мизинцем за повод. Лезгинка также, привела их в восторг».

Ниже мы приведем описание, как пишут современники «безумного по храбрости» подвига Коции Лакрба, за что он был представлен к Георгиевскому оружию:

Всадник Шъаман Сабекия

Гагулия Владимир Джунатович, 1891 г.
с. Лыхны, Гудаудский р-он

Командир Абхазской сотни корнет К. Ш. Лакрба. 1916 г.

Весь полк был брошен в конном строю на австрийскую пехоту, которую надо было, во чтобы то ни стало, опрокинуть с передовых позиций, но тирольцы (тирольские стрелки) держались крепко и таким огнем встречали черкесов, что тем пришлось отскочить назад под прикрытие леса. Вскоре корнет Лакрба замечает, что его товарищ по кавалерийскому училищу корнет Асенков, раненый в какой-нибудь сотне от неприятельских окопов, несомненно, раненый шевелится, пытаясь уползти от врагов. Лакрба, несмотря на хмельной угар атаки, все же помнил, как на левом фланге Асенков опередил его на два-три «корпуса» и тотчас же опрокинулся навзничь и упал с лошади. Надо было спасти Асенкова пока не поздно, либо сам истечет кровью, либо тирольцы прикончат, заметив, что он отползает. И вот Лакрба, нахлестывая коня, вынесся из леса галопом и, все развивая аллюр и все горячей посыпая своего «кабардинца», прямо маршем на тирольские окопы.

Австрийцы сначала обалдели, ошеломленные такой дерзостью одинокого всадника, а потом обстреляли его, но не совсем удачно для себя и удачно для Лакрба. Корнет посадил коня возле Асенкова, стонавшего от боли в простреленном плече. Асенков был крупный телом, пудов около шести, так что маленький Лакрба не поднял бы его. И вот новое чудо для затаившихся изумленных австрийцев. Лакрба, тронув нагайкой передние ноги своего «кабардинца», заставил его лечь. А тогда уже не трудно было положить Асенкова поперек седла. Кабардинец поднялся уже с двойной ношей. Лакрба гикнул и, взмахнув нагайкой по направлению к тирольцам, спокойным шагом поехал к своим.

Ему даже не стреляли вдогонку, такое впечатление произвело все это на любимое войско Франца Иосифа, наоборот, кто-то из тирольцев, высунувшись поверх окопов и забыв всякую вражду, с восторгом аплодировал корнету и его безумному подвигу: «Браво, браво, пан казак!».

Командир полка расцеловал героя и представил его к Георгиевскому оружию.

Слева направо сидят: Сабекиа Ш. Е. (Тхина), Акаба Н. Ш. (Члоуткуарчал), Лагулаа С. (Арасадзыхь).
Стоят: Какубаа К. Е. (Гуп), Квасия С. (Ткуарчал)

Граф А. Палецкий отмечал:

«...дивизия побывала на фронтах, на германском, галицийском и румынском, и везде проявляла чудеса храбрости, в общем на всю дивизию приходилось количество пленных, в четыре раза превышающих ее состав.

Дивизия понесла за время своей боевой деятельности много потерь. Но кавказские горцы держались и держатся до сих пор с огромным мужеством и непоколебимой твердостью. Это одна из самых надежных войсковых частей – гордость русской армии.

Кавказцы имели полные моральные основания никакого участия в войне не принимать. Мы отняли у кавказцев все: их прекрасные горы, их дикую природу, неисчерпаемые богатства этой благодатной страны.

И вот вспыхнула война, кавказцы добровольно пошли на защиту России и защищали ее беззаветно, не как злую мачеху, а как родную мать. Все кавказцы таковы, в них живет еще истинный дух рыцарства и на предательство и на удары сзади, из-за угла они не способны. Не против России и русской свободы идут воины дикой дивизии. Они сражаются вместе с русской армией и впереди всех, и смелее всех умирают за нашу свободу».

**Всадники (слева направо):
Даутиа Ардашин Батович,
Цкуа Хуатхуат (сидит), Генаба**

Плиа Куация Кут-ипа

Лакоба Уасил. 1917 г.

Алёша Чачба с супругой

Всадник Лабахуа Зосим

Всадник Туманов Дмитрий

Капба Чича
с. Арасадзых Очамчырского р-на

Адыги

Руслан Гуажба
Сухум, 2012.